Глава 2

«Время – лучший учитель, к сожалению, убивающий всех своих учеников». (Марк Твен)

Я видел, как небо падает на землю, и слышал стук своего сердца, которое отдавалось в моих ушах. Оно у меня бухало в груди всё сильнее и сильнее, а также было чувство, что звук биения моего сердца заполнил все вокруг, я не слышал ничего кроме этого звука. Наверное, у остальных тоже было такое состояние, но буквально за пару секунд как всё завертелось, я успел нырнуть под парту и закрыть голову своим рюкзаком. Вдалеке нарастал рокот, который приближался к нам и который не смог отделить от нас стеклопакет со звукоизоляцией. В следующее мгновение я заметил, как стекло начало трескаться, а потом полетело в нашу сторону. Лучики света играли на острых краях стекла, которое вылетело в нашу сторону, после чего пришел шум, страшный грохот, который затопил всё вокруг и не оставил места ничему другому. Я потерял сознание всего лишь на миг, но когда пришел в себя, перед моими глазами предстала ужасная картина.

В этот момент я не знал, что делать и как быть. Хоть и был мал, но всё же видел военные фильмы и то, что видел вокруг себя, была сцена из одного такого фильма. Голограмма учителя отключилась, думаю, в такой момент никому не будет дела до учебы. Многих моих одноклассников посекло осколками стекла, а также многие еще лежали без сознания. Перевел свой взгляд чуть дальше и увидел, как мой друг Кени лежит рядом со стеной, его правая нога была почти отрезана куском стекла, а вокруг его головы расплывается лужица крови. Из моего горла вырвался отчаянный крик: «Кени!!!». Я никак не мог поверить, что моего друга Кени, с которым я дружу много лет - нет в живых. То, что я не мог понять в первый момент: это была орбитальная бомбардировка по нашей планете, но ведь никакой тревоги не было, меня преследовало чувство полной нереальности произошедшего. Почему так произошло, я не знал. Схватил свой рюкзак, и выбрался из-под парты, после чего начал осматривать остальных, больше половины не подавало признаков жизни.

Единственный вопрос, который был в моей голове, это то, что я должен что-то сделать и чем быстрее - тем лучше. Пара человек к этому моменту уже пришли в себя. Один мальчик такого же возраста, как и я, если пытался встать и опирался на поломанную ногу, то орал и падал. Наверное, у него был болевой шок, и он плохо соображал: человек в нормальном состоянии не будет стараться встать на сломанную ногу. В другом конце кабинета на полу сидела девочка, которая обхватила двумя руками свою голову и раскачивалась из стороны в сторону, а также что-то мычала про себя. Абсолютно не понимая, что я делаю, я вытащил из рюкзака свои штаны, которые там валялись ещё со вчерашнего дня с десантным ножом. Я начал резать эти штаны десантным ножом на ленты и через пару минут закончил, потому что в моих руках были только полоски от моих штанов. Я попытался встать, но меня шатало, пока сидел почему-то голова не кружилась. Потом, шатаясь, подошел к однокласснику, который был ближе всех ко мне и начал делать перевязку.

Только после того, как я замотал ему ногу, я повернул голову и посмотрел на его лицо. Это оказался Стэн, у него была неестественно вывернута шея. Увидев его остекленевшие глаза, я только тогда понял, что слишком поздно и не стоило делать ему перевязку. Следующей, кого перевязал, была моя одноклассница Соня Эриссон, она была жива, так как, когда я приложил руку к её лицу - почувствовал её слабое дыхание. Так провозился ещё минут двадцать, пока в моих руках не закончились ленты для перевязывания. Я осмотрел пустым взглядом наш класс и не знал, что делать. После того как начал хотя бы немного соображать, первая мысль в моей голове была бежать домой и спрятаться за моими родителями, потому что они смогут уберечь

меня и защитить от этого ужасного мира. Взял свой рюкзак и нацепил его на спину, после чего пошёл к выходу из класса.

Я боялся думать, что такая участь могла постичь моих родителей, и просто надеялся, что с ними всё в порядке. Когда я уже вышел из кабинета, меня за ногу схватил мой одноклассник, я посмотрел на руку, которая меня схватила, а потом перевел взгляд на того, кто это был. Это был мой одноклассник Эрик Фэтмэн, которого я не сразу заметил. Другой рукой он держал вываливающиеся из распоротого живота кишки, а в его груди торчал большой осколок стекла. Из уголков рта текла кровь, он хрипел и пытался что-то мне сказать, но я не мог ничего понять. Буквально через пару секунд его хватка ослабла, а глаза стали стеклянными, и он с немым вопросом в своих глазах смотрел на меня. Наверное, до всего этого я бы сильно напугался, но сейчас я плохо соображал, и что-то во всей этой ситуации сломало во мне то, кем я был раньше.

Я не знал, как ему помочь, в то время когда он умирал, а сейчас тем более ему уже ничем не поможешь, поэтому перешагнул через его руку и пошёл дальше. В коридоре была такая же разруха как в нашем классе: побитые стеклопакеты, трещинки, которые змеятся по стенам, также убитые и раненые в разных местах. В таком состоянии я дошел до лестницы, и начал по ней спускаться, наверное, в такой ситуации лифты не будут работать. По всему зданию, абсолютно везде, было всё одно и то же, поэтому я не стал заходить на другие этажи и просто пошёл к выходу. Мои ноги на автомате вели меня домой, в моей голове всё крутились и крутились мысли, что это всё нереально, что это произошло не со мной или это просто сон, просто страшный сон. Но этот сон не хотел заканчиваться и всё продолжался. Пока я шел по улице домой, то я видел лица людей, которые просто были масками после такого страшного события.

Но сначала стоит взглянуть на улицу и узнать, что творится там. Аккуратно подполз к выбитому окну и выглянул на улицу. Перед моими глазами была картина разрушения, и нашего городка больше не было. Хорошо, что наша школа находилась на окраине, а не в центре, потому что от него практически ничего не осталось. По улице бесцельно бродили люди, которые тоже были в шоке и не знали что делать, всё же не каждый день ты видишь свой город разрушенным, а вокруг себя - множество трупов. Взял свой рюкзак и нацепил его на спину, после чего пошёл к выходу из класса.

Одни бесцельно пытались голыми руками разобрать обвалившиеся дома, и не осознавали тщетность своих попыток. Некоторые просто бесцельно бродили, и не понимали, что нужно делать или не могли прийти в себя, чтобы начать что-то делать. В одних местах раздавались крики из-под завалов, в других местах слышался плач, и этими звуками был заполнен весь город, которого больше не было. Это сильно давило на меня и в какой-то момент я не выдержал. Просто начал бежать в сторону своего дома, как будто от этого бега зависело абсолютно всё. Наверное, мне казалось, что смогу убежать, убежать от этой страшной трагедии, убежать, чтобы не видеть этих страшных картин, убежать, чтобы найти своих родителей, которые меня защитят и, наконец-то, разбудят от этого страшного сна. Правда, дома родителей быть не должно, в это время они обычно на работе. Но они точно будут меня искать, поэтому лучше подожду их дома. Через какое-то время добрался до нашего дома, я боялся идти к нему, чтобы не увидеть страшных картин, которые были повсюду.

Дом частично обрушился, ему тоже сильно досталось от случившегося. Мне пришлось перелезть через забор, потому что энергии не было, и автоматика на воротах не работала. Я пошел к дому и пытался открыть входную дверь, но она не поддавалась, после чего я решил залезть домой через разбитое окно. Когда перелазил через раму окна, то я себе слегка порезал руку остатками стеклопакета, но в этом не было ничего страшного, потому что в тот момент я

не чувствовал боли. После того как оказался внутри, сначала отряхнулся, затем, осмотрел комнату - это было прихожая. Всюду были следы от взрывной волны, от которой пострадал наш дом, мне было страшно идти дальше. Кухня и зал обвалились, а также отсюда я мог разглядеть полуразрушенную лестницу, которая вела на второй этаж, где была моя комната и родительская спальня. Сначала прошёл в зал и осмотрел его, в принципе можно было не лезть через окно, потому что часть стены и потолка обвалилась, нужно было просто обойти дом, после чего я бы смог пролезть в пролом.

Вернулся в прихожую и пошел на кухню. После того как я зашел на кухню и увидел, что там творилось, мои ноги перестали держать меня, и я упал на пол. В этот момент у меня было очень бледное лицо, а потом потекли слезы, которым не было конца. Мой взгляд блуждал по плите, которая упала сверху, и придавила моих родителей. Наверное, отец пытался защитить маму и прикрыть её своим телом, потому что она находилась под ним и смотрела в мою сторону безжизненными глазами. Похоже, её смерть была долгой и мучительной, так как вокруг неё было много кровавых разводов, оставленных её руками, как будто она пыталась выбраться. Из-под плиты змеился ручеек крови моих родителей, я посмотрел на него как на ядовитую змею, которая в любой момент может меня укусить.

В моей голове вертелись вопросы: почему всё это произошло, почему мои родители погибли, почему они были дома, а не на работе? В этот момент мой взгляд уперся в раздавленный торт, который лежал недалеко от развалившегося кухонного стола. Они решили отпраздновать мой день рождения и поэтому остались дома или отпросились с работы, мне было неизвестно. Когда ещё раз встретился с глазами моей матери, то тут меня прорвало, и я начал плакать взахлеб: жизнь очень жестокая штука, которая в один момент может у тебя забрать самое дорогое, которое нельзя будет купить ни за какие деньги или как-то исправить.

Наверное, в тот момент у меня был нервный срыв, и это уже было слишком для моей неокрепшей подростковой психики. Только через час, я более или менее пришёл в себя, чувствуя всепоглощающую пустоту у себя в груди и тянущую боль в моей душе, которые нельзя будет вылечить простым лекарством или медицинской капсулой. Также в этот день в моей душе поселилась злость на мой день рождения, на тот день, когда я стал сиротой, а также злость, очень страшная злость на тех тварей, по вине которых я потерял всё, в этот день и стал никем. С этого момента мне хотелось отомстить тем, кто причинил мне такую боль, я не мог успокоиться некоторое время, но после того как более или менее пришёл в себя, у меня появилась навязчивая мысль, хоть как-то похоронить моих родителей. Но так как я не был супергероем с суперсилами, то я не смог поднять эту плиту, которая была виновата в смерти моих родных. После многих попыток поднять плиту, решил поступить проще и сжечь весь наш дом.

На уроке истории нам рассказывали, что когда-то давным-давно наши далекие предки делали погребальные костры, так решил поступить и я. Пусть все сгорит, пусть все исчезнет, я ненавижу этот жестокий мир. Вышел из кухни и посмотрел на разрушенный лестничный пролет, ведущий на второй этаж, по ней я не смог бы забраться, а также пока бы этим занимался, то в одной из попыток мог бы свернуть себе шею, а этого мне было не нужно. Поэтому бросил эту затею и пошел к обвалившейся стене в зале, чтобы через неё выбраться во двор. Через пять минут уже был во дворе. Пристройка, которую мой отец использовал в виде сарая и мастерской, была не очень большой, а также не сильно пострадала после всего того, что случилось сегодня. Пошёл в сторону мастерской, так как знал, что отец там хранил смазочные масла, которые он использовал в своей работе.

Дверь не была заперта, и поэтому легко попал внутрь, после чего долго перебирал емкости с разными маслами и читал их этикетки. Многие из них были легко воспламеняющиеся, поэтому

отобрал несколько емкостей, оттащил их к стене, через которую я попаду обратно в дом. Пришлось немного постараться, но всё же затащил эти ёмкости внутрь дома. После чего оттащил их на кухню и облил тела своих родителей, а также сделал небольшую дорожку из этого масла до трещины в стене. Я открыл шкафчик на кухне, в котором мои родители держали пару солдатских пайков, они не были очень дорогими, да и вкус у них был как у резины, но они были сытными и могли долго храниться. По размеру такой питательный брикет был 5х5х4 сантиметра, в нем находилась высококалорийная сублимированная смесь, поэтому он весил немного, и можно было таскать солдатские пайки сотнями, если придется.

Мой отец говорил пусть лежат на всякий случай, кушать они не просят, а вот если настанет тяжёлый момент, то ими всегда можно будет воспользоваться. Знал бы он, что такой момент всё-таки наступит, а воспользоваться ими придётся мне. От таких мыслей у меня опять навернулись слезы на глаза: положил себе три пайка в рюкзак, который был на мне. После чего решил попрощаться с моими родными.

- Мама и папа, мне очень жаль, что всё так произошло, я буду очень надеяться, что вы простите меня за то, что я родился именно в этот день, а не в какой-то другой... К сожалению, я не смогу вас похоронить во дворе и поэтому, я решил сжечь наш дом..., - вытер слёзы и продолжил своё прощание с родителями. - Я вас очень-очень люблю... И постараюсь, чтобы вы сильно обо мне не волновались, где бы вы ни были. Я уже достаточно взрослый и постараюсь сделать всё возможное, чтобы наказать тех, кто отнял вас у меня... Постарайтесь не переживать обо мне, у меня всё будет нормально, я вас сильно люблю и всегда буду помнить вас... Всё равно мы когда-нибудь должны будем встретиться опять.

После этого взял свой рюкзак и направился в сторону пролома в стене в зале. Когда выбрался из дома, я опять пошёл в мастерскую, у отца там должен быть небольшой пьезогенератор, примерно десять сантиметров в длину и пару сантиметров в ширину. После некоторого поиска всё-таки его нашел, а также парочку сменных картриджей к нему. Я повертел его из стороны в сторону и нашел кнопку включения, а также регулятор мощности. Поставил мощность на максимум и нажал на кнопку включения, в этот момент и на торце пьезогенератора появилась сфокусированная струйка огня. Этот пьезогенератор мой отец иногда использовал вместо сварочного аппарата, но по большей части, он использовал его для плавки металлов.

Перевёл мощность на минимальный показатель, и струйка стала похожа на струю огня из обычной зажигалки. Также покопавшись, я вытащил еще одну емкость масла и нашёл кое-какую ветошь, обмотал ветошь вокруг одного из инструментов и после этого обмакнул в масле. С этой вещью подошел к трещине в доме и после чего её подпалил, а потом закинул внутрь нашего дома импровизированный факел. Буквально через пару минут из трещины в стене повалил черный жирный дым, и начало пахнуть жареным мясом. Я не успел отбежать подальше, чтобы не чувствовать этот запах, а когда почувствовал, меня начало выворачивать наизнанку. Через десять минут, когда мой желудок исторг всё, что в нём было, а точнее, только часть моего завтрака и большое количество желчи, то мне стало немного легче, но всё же желудок ещё пару раз конвульсивно пытался вытолкать то, что в нём давно отсутствовало. Когда мне стало легче, то я, хрипя, пополз подальше от нашего дома, чтобы только не чувствовать этого смрада.

Вышел за ворота и, шатаясь от каждого порыва ветра, пошёл в сторону ближайшего магазина, чтобы купить немного воды и после этого умыться и напиться. Наверное, эти восемьдесят метров, которые я прошел от моего дома, были самой трудной дорогой в моей жизни. Ничего страшного, всё когда-нибудь начинается и когда-нибудь заканчивается. На месте магазина я увидел примерно такую же картину, как и в остальных частях нашего города: он был наполовину разрушен, а также из-под одних обломков вытекала струйка крови. Наверное,

хозяин магазина тоже не успел выбежать на улицу, я пересилил себя и полез внутрь. К сожалению, судя по руке, которая торчала из-под упавшего стеллажа, а также натёкшей луже крови, перемешанной с мочой, хозяин магазина был мертв. Думаю, если прихвачу пару вещей, ему будет уже всё равно, а мне они еще помогут.

Подошёл к ящику с солдатскими пайками и начал их укладывать в свой рюкзак, когда там почти не осталось места, то затолкал туда небольшой фонарик, а также пару картриджей к пьезогенератору. Дополнительно прихватил пару упаковок с сильным успокоительным и снотворным. Тут, конечно, еще было много вещей, которые я мог с собой захватить, но, к сожалению, у меня рюкзак не резиновый и не очень-то большой. В боковой отдел положил бутылку с водой на несколько литров и пару батончиков шоколада. После этого вылез из развалин магазина и понял, что мне нужно идти в сторону нашей секретной базы, которую мы сделали с Кени. К сожалению, только сейчас до меня дошло то, что я потерял в нашем классе и друга: в тот момент я не мог помочь еще хоть кому-то. Когда я подумал о моём друге, мне стало грустно, и я больше начал злиться на тех, по вине кого я всё потерял. Дорога до нашего секретного места не заняла много времени, на свалке всё было так же, как и всегда.

Через полчаса я уже был на месте и начал сгружать всё, что смог захватить с собой. Наверное, мне будет тяжело, но, к сожалению, большего пока я не могу сделать. Прилег на ободранное кресло, которое мы с моим другом нашли, а потом перетащили в это место и постарался хоть немножко прийти в себя после всего ужаса, что случился сегодня. Я не заметил, как в какой-то момент просто вырубился, наверное, моя психика и сознание решили, что для моего организма хватит нервных потрясений на сегодня, и чтобы уберечь меня от того, чтобы я не сошел с ума, они просто решили выдернуть штекер из розетки и выключить меня.

Пока подросток спал, ему ничего не снилось, и за это, Арт был очень благодарен богу сновидений, потому что он не хотел еще раз переживать все то, что видел сегодня. Хватит с него того, что его самый худший сон и так уже начал сбываться, так как, скорее всего, ему придется жить на свалке в секретной базе, которую он обустроил со своим другом.

Я не знаю, что творилось в остальном в городе, и как люди в этот момент старались выживать или кому-то помочь. Наверное, это был самый страшный день для нашего города, я никогда его не забуду. Как и многие те, кто выжил сегодня, а также потерял всё, что было им дорого. Мы начинаем ценить что-то по-настоящему только тогда, когда теряем это навсегда: как бы я хотел вернуться в прошлое и изменить всё. Но, к сожалению, чего нет, того нет, а есть уставший подросток, у которого было нервное истощение, он спал на изодранном кресле в трюме давно списанного эсминца.

http://tl.rulate.ru/book/9353/176325